

Металлические богини Фернана Леже

Франс ЮЗЕР

«ЭКСПРЕСС», ПАРИЖ.

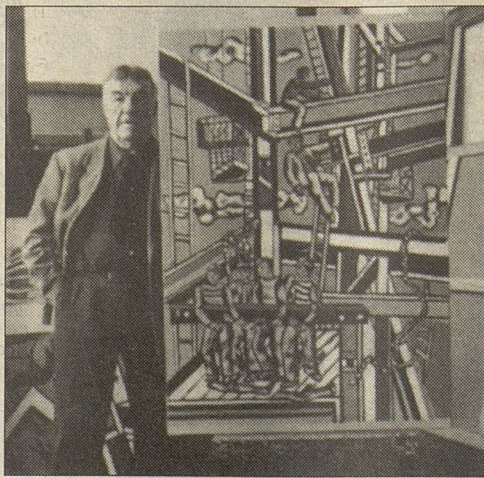
ПОДОБНО поэзии Блеза Сандрара живопись французского художника Фернана Леже олицетворяет собой магию нового времени. Картина «Завод» в Центре Помпиду — идеальная панорама всего творчества художника.

Фернан Леже, конечно, не мог даже представить себе такого размаха воздаваемых ему сегодня почестей. Для ретроспективной выставки мастера в залах центра в ход были пущены даже балки и трубы. Все должно было послужить славе этого певца индустриальной эры, эры стали и бетона. Монументальные картины художника «приютили» каменщиков и рабочих, «возвеличили» рычаги, поршни, кучи песка и болты. Ведь Леже предпочитал Салон авиации Лувру! Свое творчество он сравнивал с работой простого механика: «Я мастерю этюд за этюдом, изделие за изделием, как мастерят дом или мотор».

Оригинальность художника подтверждается картиной «Обнаженные в лесу», открывающей выставку. Это написанное в 1911 году полотно произвело сенсацию: термину «кубизм» стали предпочитать термин «тюбизм», увидев это столкновение объемов, цилиндрических форм, стволов и ветвей, небрежно обрубленных топором, и массивных дровосеков, похожих на роботов. Потом Леже создал «Свадебку», «Курильщики», «Даму в голубом». В ритме синкопы кривые линии противопоставляются прямой, клубы дыма — острым архитектурным углам. Цвет выделяет форму. По словам Леже, «это жизненно необходимое сырье, подобное воде и огню». Динамизм и напряжение, излучаемые этими полотнами, отрицают гармонию прошедшей эпохи, которую так хорошо воплощала «мелодия» импрессионизма.

Сын нормандского скотовода, 19-летний Фернан Леже очутился в Париже в 1900 году, уже после обучения архитектуре. Позже он будет вспоминать уроки Сезанна. Далекий от сентиментальных и литературных концепций, он хочет схватить диссонансы «современной эпохи, более разорванной и ускоренной, чем предыдущие». Его полотно «Контрасты форм» (1913-1914 годы) олицетворяет новое восприятие городской жизни.

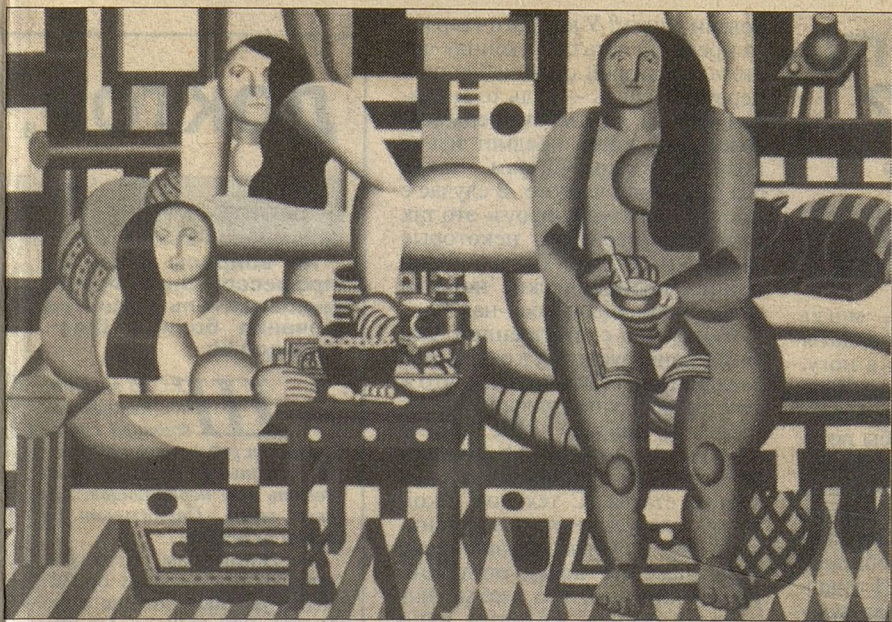
Хаос первой мировой войны вскоре подтвердит эту концепцию. «Война — самое большое мое испытание, именно там я все понял, именно там обрел то, что стало моей живописью». На фронте художник служил сначала сапером, а потом санитаром. В окопах он восхищался «красотой и магией солнечных бликов на стальных орудиях... Они дали мне больше, чем все музеи мира... Именно на войне я обрел почву под ногами, хлебнув реальной жизни». Леже восхищался достоинством простых солдат, «этих крепких парней». Во время фронтового отпуска художник пишет картину «Солдат с трубкой» (1916 год). В следующем году, отравленный газом под Верденом, он находится в

Фернан Леже у своего полотна.

санаторий, прежде чем окончательно уйти в запас. Именно тогда он и выполняет своих знаменитых «Игроков в карты», одетых не то в кепки, не то в металлические каски. Это своего рода ответ Сезанну, а также и фразе Дюшана, указавшего ему на винт самолета: «С живописью покончено. Кто сделает что-нибудь лучше этого винта? Ты сможешь?»

Возвратившись в Париж, он пишет картину «Город», которую на выставку представил музей искусств Филадельфии. Холст этот, кажется, вобрал в себя то, что художник писал за несколько месяцев до возвращения в столицу: «Если я буду иметь счастье возвратиться в Париж, я заполню им мои глаза и карманы. Я буду обитать внутри него». Чистые цвета: красный, зеленый и желтый — кажутся сорванными с афиш и витрин. Это время, когда его друзья приходят в восторг от скорости городской жизни. Сандра,

«Большой завтрак» (1921 год).

например, восклицает: «Моторы мычат, как золотые тельцы!» А Аполлинер пишет: «Ты читаешь проспекты, каталоги, афиши, а они громко поют. Вот истинная поэзия утра. Стада автобусов, мыча, катятся рядом с тобой». В этом мире Фернана Леже, по его словам, человеческая фигура имеет не больше значения, чем гвозди или велосипеды. Лица его героев лишены всяких эмоций. «Механик», например, демонстрирует свои мускулы в несколько скованной позе. Полотно «Большой завтрак трех женщин» (1921 год) изображает обнаженное трио, величественное, как монумент. Одалиски они или сфинксы? Тела этих металлических богинь состоят из колонн, овалов, цилиндров, контрастирующих с прямоугольниками и прямыми линиями фона. Точно так же выстроена и картина «Чтение» (1924 год), где Леже у кинематографа заимствует технику крупного плана, ту, что он открыл на съемках фильма Абея Ганса «Колесо». Кино сильно поразило его, и он участвует в создании декораций к фильму Марселя Л'Эрбе «Бесчеловечная», а потом и сам создает собственный

фильм, «Механический балет», где под прерывистый ритм оживают механизмы. Объекты окружающего мира становятся сюжетами его полотен. Таков внушительный «Сифон», представленный для выставки в Центре Помпиду чикагским коллекционером.

Однако вскоре все эти предметы освободятся от пространства, например, стола, на котором когда-то стояли. В один прекрасный день Леже нарисовал на холсте собственную связку ключей. Что бы такое им противопоставить? Неожиданно художник замечает почтовую открытку с «Джокондой». «Я тут же все понял. Именно она мне и нужна. Что может больше контрастировать с ключами? И я написал на холсте Джоконду. Потом добавил туда баночку сардин. Это создало такой контраст!» Так родилось полотно «Джоконда и ключи» (1930 год).

В 1940 году Леже отправляется в изгнание в США, где уже когда-то бывал. Гигантизм городов и пейзажей Америки, ускоренная индустриализация и технология — все восхищает художника. Его удивляет, например, переполненный бассейн:

«В нем одновременно было около двухсот пловцов. Поди узнай, кто есть кто! Чья голова? Чья нога, рука?» Это вдохновило его на создание знаменитой картины «Нырляшки». Потом будут написаны серия велосипедистов и «Большая Жюли» (1945 год).

Возвратившись на родину, Леже вступит во Французскую коммунистическую партию. Больше, чем кто-либо, он, которого называют «примитивистом нового времени», стремится отобразить в своих полотнах рабочий класс, как в момент труда, так и в момент отдыха. Коммунист, он считает нужным создавать «образ народа своего времени».

Это, правда, не всегда понятно самим рабочим. Например, когда Леже повесил свое полотно «Строители» в рабочей столовой завода «Рено», то сами рабочие смеялись. Во время обеда они рассматривали картину и ухмылялись. «Разве эти рабочие смогли бы работать с такими руками?» Отказываясь подчиниться соцреализму, Леже продолжает собственный путь.

До самой смерти в 1955 году Фернан Леже сочинял эту оду труду, машине и прогрессу. В резких сочетаниях красок гиганты Леже утверждали свою веру в будущее. «Я хотел вернуться к простому искусству, доступному для всех». Однако не только труд и созидание присутствуют на полотнах художника. Акробаты, клоуны и аккордеон вызывают в памяти те детские воспоминания, когда бродячий цирк въезжал в маленький городок. Картина «Большой парад» из собрания Соломона Гугенхейма, написанная Леже за год до смерти, олицетворяет радостный гимн спокойному доверию, которое циркачи разделяют вместе с художником: «Пусть радость и свет волются в сердце каждого».